

С.А. ФОКИНА (*Одесса, Украина*)

УДК 821.161.1-1(Рыжова Е.)
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)63-8,445

СЕМИОТИЗАЦИЯ СТРАСТЕЙ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ АВТОРСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ON-LINE ПРОСТРАНСТВЕ. СЛУЧАЙ «ПАВИЧЕВСКОГО» СТИХОТВОРЕНИЯ ЕЛЕНА РЫЖОВОЙ

Аннотация. В статье исследовательский поиск направлен на фиксацию доминант литературной мистификации в Интернет-пространстве. В ходе исследования была представлена попытка определить насколько on-line среда подходит для осуществления мистификаций. Был выявлен смыслопорождающий потенциал нового вида литературной мистификации на примере стихотворения, известного благодаря деятельности многочисленных сайтов и соцсетей. Было точно выяснено, кто именно является автором поэтического текста «Есть люди с особо чувствительной кожей...». Осмыслены причины приписывать средствами Интернета авторство стихотворения Елены Рыжовой «Есть люди с особо чувствительной кожей...» М. Павичу. Осмыслены факторы, благоприятствующие удаче литературной мистификации. Выявлены показатели «семиотики страстей» и проанализированы интертекстуальные уровни вышеназванного поэтического текста. Прослежен процесс семиотизации чувствительности как своего рода страсти. Метафора «чувствительная кожа» рассмотрена как показатель человеческой души. Прослежены процессы интерпретации семиотического потенциала чувствительности авторским сознанием каждого из поэтов. Проанализировано включение цитат в ткань произведения как возможность диалога между двумя поэтами. Данный подход позволяет осмыслить совмещение личной позиции и мировосприятия Е. Рыжовой с точкой зрения М. Павича.

Ключевые слова: интернет, литературная мистификация, интертекстуальность, авторство, сенсетивность, «семиотика страстей» «чувствительная кожа», М. Павич, Е. Рыжова.

Развитие сетературы привлекательно для исследования не только как яркий показатель культурной ситуации, но и в связи с проблемами зарождения нового вида литературной мистификации и, соответственно, необходимостью определения авторства текстов. Проблема мисти-

фикации на сегодняшнем этапе литературного процесса получает новый виток в связи с развитием информационных технологий и явного влияния Интернет-пространства на сознание человека. Как справедливо отмечено в ряде статей научного сборника с показательным названием *Влияние Интернета на сознание и структуру знания* и наиболее точно обозначено в исследовании И.Ю. Алексеевой, «глобальная сеть Интернет – символ рубежа XX и XXI столетий» [Алексеева 2004: 24]. Действительно, Web-сеть – фактор, модифицирующий прежние культурные модели коммуникации, познания, самоопределения. В данном плане привлекает внимание утверждение О.В. Новожиной касательно того, что Всемирная паутина как «способ хранения и передачи информации входит в структуру современной культуры в качестве важнейшего ее элемента» [Новожиная 2004: 199]. Несомнена сопричастность человечества в той или иной степени киберкультуре – от бытового до бытийного уровней, что ставит данный феномен в один ряд с доминантными эпистемами конца XX-начала XXI века.

Интернет-пространство, отличаясь принципиальной общедоступностью, неизменно воздействует на пользователя, «подчиняющегося логике сети, которая не только удовлетворяет имеющиеся у него информационные потребности, интересы, вкусы, но и формирует их» [Алексеева 2004: 27]. Особую остроту для современной культуры приобретает погруженность человеческого сознания в on-line среду. Взаимодействие с интерактивными технологиями характеризует также литературные поиски и эксперименты. Интернет часто становится платформой как для определения начинающим художником слова писательского статуса, может способствовать популяризации творчества и завоевания более широкой аудитории актуальными современными авторами. Подобная ситуация создается благодаря общедоступности и включенности в киберкультуру классики.

Web-универсум по своей природе благоприятствует не только виртуализации современной реальности, но и манипуляциям с сознанием пользователей, а также созданию разнообразных мистификаций. Несомненно, представляет интерес для научного изучения новый вид литературной мистификации, осуществляемой непосредственно в Интернет-пространстве и, по сути, порожденный спецификой Всемирной паутины. По наблюдению О.В. Новожиной, «человек в Сети изначально анонимен, в чатах же эта анонимность культивируется – подавляющее большинство посетителей используют “ники”...» [Новожиная 2004: 206], что позволяет дистанцироваться «от своего реального “Я”» [Новожиная 2004: 207]. Такая игровая позиция, соответствующая своеобразным правилам Сети, роднит выбор пользовательского

псевдонима – «ника» со стратегиями, присущими литературным мистификациям.

В *Литературной энциклопедии терминов и понятий* под редакцией А. Н. Николюкина литературная мистификация определяется как «текст или фрагмент текста, автор которого приписывает его создание подставному лицу, реальному или вымышленному» [Попова 2001: 553]. Для мистификатора временное приписывание своих произведений личности «другого» становится «удобной формой как для эксперимента в области стиля, так и для наследования стилевой традиции» [Попова 2001: 553]. Аналогичные семиотические механизмы можно проследить при выборе интернет-пользователем «ника», отражающего «внутренний психологический настрой, <...> его представление о мире и себе, выраженное в краткой формуле» [Новоженина 2004: 208]. Таким образом, включение любого человека в Интернет-пространство с принятием его игрового поведенческого кодекса в определенной степени подобно семиотике мистификации.

Актуальность эстетической роли различных мистификаций стимулируется в определенные культурные эпохи: барокко, романтизм, модернизм, постмодернизм с «присущим этим эпохам ощущением мира как языкового творчества» [Попова 2001: 555]. С точки зрения Марии Галимской, исследовавшей феномен Черубины де Габриак, «создание мистификации каким-то образом всегда связано с взглядами определенного времени» [Галимска 2013: 74]. Более того, польская исследовательница уверена, что «каждая мистификация, раскрытая или нет, несомненно представляет собой научную ценность <...> как литературное достояние эпохи» [Галимска 2013: 74]. В данном контексте весьма приоритетным представляется изучение современных литературных мистификаций, осуществленных в рамках сетературы.

Интернет обладает весьма широким спектром возможностей для осуществления самых разнообразных авторских стратегий, а также мистификаций. Практически любой человек может создать свой сайт, участвовать в различных чатах и уже существующих информационных ресурсах. В рамках соцсетей публикуются тексты под именем автора, псевдонимом или же приписываемые другому лицу, связанному с литературным миром. Но для удачи мистификации в текстах, выложенных во Всемирной паутине, должны быть проявлены коды стилизации, скрытые или же модифицированные цитаты и другие приметы диалога с автором, избранным в качестве своеобразной литературной маски мистификатора. «Чужое слово» неизменно вносит коды сознания той личности, которой в акте литературной мистификации приписывается авторство произведения, выложенного в Web-сети.

При исследовании смыслопорождающего потенциала как сетературы, так и нового вида литературной мистификации особенно интересны для определения подлинного авторства именно лирические тексты, известные благодаря деятельности многочисленных сайтов и соцсетей. В данном плане показательно, что on-line среда подходит для осуществления мистификаций особенно в случае включения цитат в ткань произведения. Более того, механизм выяснения того, кто именно является автором анализируемого поэтического текста, способствует осмыслению факторов, благоприятствующих удаче литературной мистификации.

К такому виду мистификаций в сетературе можно отнести «павичевское» стихотворение *«Есть люди с особо чувствительной кожей...»*.

*Есть люди с особо чувствительной кожей -
их лучше не трогать. Они не похожи
на всех остальных. Они носят перчатки,
скрывая на коже следы-отпечатки
лилового цвета от чьих-нибудь пальцев,
бесцеремонных в иной ситуации.
Они опасаются солнца в зените.
Обычно, надев толстый вязаный свитер,
выходят из дома по лунной дорожке
пройтись; и не любят, когда понарошку,
когда просто так, не всерьез, не надолго.
Болезненно чувствуют взгляды-иголки
и крошево слов. Они прячут обиду
в глубины глубин, но по внешнему виду
спокойны они, как застывшая глина,
лишь губы поджаты и паузы длинные.
Они уязвимы, они интересны;
и будьте чутки и внимательны, если
вы их приручили: они не похожи
на всех остальных – они чувствуют кожей.*

Долгое время Интернет неизменно приписывал выше процитированный текст Милораду Павичу, который действительно начал свою карьеру в качестве художника слова с издания нескольких поэтических сборников. Но разговор о стихотворении Милорада Павича *«Есть люди с особо чувствительной кожей...»* следует начать с того, что необходимо подчеркнуть – автор этого произведения не М. Павич. Вернее, М. Павич автор образа-метафоры «чувствительная кожа», по-

родившего развернутую лирическую интерпретацию Елены Рыжовой. Но, пожалуй, известность в on-line пространстве стихотворению принесла эта невольная ошибка или же запланированная мистификация. История вышла в духе творчества самого М. Павича, укрепив этим фактом диалог между двумя поэтами. Кроме того, не будь стихотворение приписано выдающемуся сербскому писателю, возможно, оно привлекло бы к себе меньше внимания и читательского интереса. Диалог с М. Павичем и его творчеством позволил Елене Рыжовой преодолеть доминирование женского дискурса, присущего ее лирическому письму, и приблизиться одновременно к необарочной и постмодернистской метафоричности слова М. Павича, оставаясь при этом верной себе как поэту и человеку в своем взгляде на мир.

Укорененность в павическую художественную систему, связанную, прежде всего, с образом кожи, оказалась настолько сильна, что стало возможным с помощью Интернет-ресурсов осуществить новую разновидность литературной мистификации, приписать не отдельные цитаты и аллюзии, а все стихотворение Милораду Павичу. Возможно вне этой глубинной интертекстуальной преемственности, носящей как бессознательный, так, видимо, осознанный и даже принципиальный характер, удача Интернет-мистификации не была бы столь полной и читатели-пользователи могли изначально усомниться в приписываемом авторстве.

На официальном сайте М. Павича, показательно названного khazars.com [Павич: эл. ресурс], в списке, включающем все произведения писателя и даже его научные труды, указаны две книги стихов: «*Палимпсесты*» («*Палимпсести*», *песме*. – *Нолит*, *Београд* 1967) и «*Лунный камень*» («*Месечев камен*», *песме*. – *Нолит*, *Београд* 1971). Стихотворение же «*Есть люди с особо чувствительной кожей...*», столь длительный период активно Web-средствами соотносимое с павичевским творчеством, опубликовано под именем Елены Рыжовой в читальном зале электронного информационно-справочного портала library.ru – проекта, патронируемого Российской государственной библиотекой для молодежи [Рыжова: эл. ресурс]. Кстати, этот же портал печатает и произведения самого М. Павича, в частности «*Хазарский словарь*» и пьесы «*Стеклянная улитка*», «*Кровать для троих*», а также статьи филолога-слависта, переводчика наследия М. Павича на русский язык Ларисы Савельевой. Таким образом, ошибочная атрибуция авторства Е. Рыжовой невозможна. Сотрудничество Ларисы Савельевой с вышеуказанным сайтом своего рода гарантия авторской идентичности павичевских произведений и соблюдения его писательских прав.

В «павичевском» стихотворении Елены Рыжовой доминантный образ «людей с особо чувствительной кожей» способствует диалогу с метафорами и притчами сербского писателя, маркированными смысловыми и символическими пластами, сопряженными в мире М. Павича с образом человеческой кожи. Развертывание метафоры «чувствительная кожа» как показателя человеческой души дает направление семиотизации **чувствительности как своего рода страсти**. Такой взгляд на семиотизацию чувствительности высвечивает, помимо интертекстуального аспекта, авторский ракурс в интерпретации «семиотики страстей», парадоксально совмещающая личную позицию и мировосприятие Е. Рыжовой с точкой зрения М. Павича. Свообразие семиотизации страстей становится показателем как культурных кодов, так и в определенной степени знаком авторства.

Французские ученые А.Ж. Греймас и Ж. Фонтаний подчеркивают, что «дискурсивный или жизненный эпизод становится страстным лишь в силу особенной сенсбилизации» [Греймас, Фонтаний 2007: 29], акцентируя важность фактора **чувствительности**. Семиологи также соотносят чувствительность с проявлением привязанности, что способствует обретению статуса страсти. Так чувствительность обостряет привязанность, побуждая к зарождению страсти. Более того, акцент, сделанный в «Семиотике страстей», дает возможность истолковывать наличие привязанности как мотиватор, который потенциально превращает в страсть саму чувствительность.

При этом, по мысли А. Ж. Греймаса и Ж. Фонтания, «представление о “страсти” меняется в зависимости от места или эпохи, и что в определенной мере артикуляция мира страстей определяет культурные особенности» [Греймас, Фонтаний 2007: 29]. Переосмыслив данное положение ученых, можно прийти к выводу, что представление о страсти сопряжено не только с культурной эпохой, локализацией и аспектами национального, но и с особенностями сознания личности, переживающей страсть, а также с типом дискурса, страсть семиотизирующего и метафоризирующего.

Кожа один из важных образов-метафор в творчестве М. Павича, а акцентирование ее чувствительности на уровне сюжета обретает параболочность притчи. Так в «Хазарском словаре» (1984) кожа фигурирует 15 раз. Центральной метафорой павичевского романа-лексикона становится образ человеческой кожи, покрытой письменами – «... на коже написанные буквы, которые потом можно было читать» [Павич 2013: 145]. В романе «Пейзаж нарисованный чаем» (1988) прямое упоминание кожи повторяется 9 раз, а также косвенно, обозначая различные кожаные предметы. Причем, как правило, в вышеуказанном

романе речь именно о тонкой коже: «От своего родного отца Витача унаследовала одну только **тонкую кожу**, такую прозрачную, что через нее, казалось, зубы просвечивали» [Павич 2010: 82]. В романе-кроссворде доминирует метафора кожи – покрова потаенного человеческого мира, соотносимого как с физиологией, так и с движениями души: «Монах на минуту примолк, и кожа у него на лбу задрожала, словно отгоняя мух. По сути же, он отгонял от себя мысли». Кожа также встречается и в более ранних произведениях М. Павича: в сборниках рассказов «Кони святого Марка» (1976), «Русская борзая» (1979). Характерно, что интерес сербского писателя к символике «чувствительной кожи» проявился в период его творчества, приходящийся на вторую половину 1970-х, и еще в большей мере акцентирован в 1980-е годы. Позже подобная тема и соответствующая эмблематика в павичевских текстах практически не встречается, исключением становится рассказ «Кесарево сечение».

Следует разобраться в метафорической и символической подоплеке образа кожи для М. Павича, унаследованного стихотворением Елены Рыжовой. При этом надо учесть явный интерес М. Павича к каббалистике, различным мистическим учениям и другим культурным кодам того же порядка. В данной связи вспоминаются слова из интервью профессора факультета журналистики МГУ Натальи Микеладзе, посвященного осмыслению феномена М. Павича и его места в современном литературном и культурном процессах. Н. Микеладзе отмечает: «Исходя из его <М. Павича – С. Ф.> текстов, могу сказать, что он человек, в разное время явно увлекавшийся эзотерическим знанием: герметизмом, Каббалой, магией. Насколько серьезно, не берусь судить, но пишет он, в конечном счете, о любви и о слове» [Микеладзе: эл. ресурс]. Действительно, несомненен интерес сербского писателя к каббалистике, смысловой составляющей различных колдовских практик и иных тайных знаний, а главное – включение их в игровом переосмыслении в его художественный мир.

Специфика символического потенциала павичевского образа кожи в контексте влияния магических традиций подтверждается при обращении к сведениям из монографий, посвященных культурологическому и семиотическому изучению Каббалы, герметизма, алхимии, шаманизма.

После тщательного отбора такого рода работ, выбор был остановлен на исследованиях Мэнли П. Холла и Мирча Элиаде, которые среди прочих аспектов были сосредоточены также на изучении важности человеческой кожи для различных эзотерических практик.

Оба ученые в связи с заявленной проблематикой подчеркивают несомненную актуальность мифологемы неба, сотворенного из кожи. Согласно М.П. Холлу, «*кожа* символизирует *небесный свод*, простирающийся повсюду и укрывающий все подобно накидке» [Холл 2002: 44]. Также наблюдения, изложенные в научных трудах М.П. Холла, соотносят кожу со значением покрова человеческого духа и тайных знаний. В соответствии с этим тонкость кожи становится индикатором способности к духовному и тайновидческому прозрению. По сведениям, приводимым М. Элиаде, в шаманских обрядах кожа проходящего инициацию до такой степени «тонкая и прозрачная <...> чувствительна, что к ней нельзя прикоснуться, чтобы не вызвать боль» [Элиаде 2000: 35]. Тонкость и чувствительность кожи – показатель избранности, обладания медиальными и колдовскими способностями, данными ценой боли и чрезмерной обостренности всех ощущений.

При этом тонкая кожа, как и сенсетивность, в культуре знак не только медиума, но также признак утонченности натуры. Другим значительным аспектом сенсетивности явилось представление о том, что у чувствительных людей «нет ощущения границ своего тела» [Юханнисон 2011: 98]. По наблюдению автора «Истории меланхолии» Карин Юханнисон, «“человек чувствительный” был одновременно телесен и хрупок. <...> словно бы лишенный физической оболочки, обостренно воспринимающий мир...» [Юханнисон 2011: 100]. Данный факт показателен совмещением духовного, эмоционального и принципиально телесного, индикатором и одновременно покровом чего становится именно кожа.

В рассматриваемом стихотворении эмблематика чувствительности сопряжена с миром людей «бесцеремонных в иных ситуациях». Данный смысловой пласт, противоречащий доминантам художественного мира М. Павича, становится проявлением рыжовской составляющей поэтического текста.

Интерпретация поэтессой метафоры «чувствительная кожа», учитывая влияние особенностей ее авторского сознания, маркирована кодами иного культурного универсума. В данном контексте показательна система культурных представлений об аристократической чувствительности, балансирующей между утонченностью, духовностью и болезненным невротизмом. Эти аспекты смыслового потенциала сенсетивности, скрытые в подтексте стихотворения, уже связаны не с исследованием образов-метафор М. Павича, а непосредственно с дискурсом Елены Рыжовой.

Е. Рыжова, вступая в диалог с сербским писателем и обыгрывая павичевский знаковый образ, модифицирует его истолкование через призму своего видения мира и доминант авторского сознания. Так па-

радикально совмещается личная позиция и мировосприятие Е. Рыжовой с точкой зрения М. Павича.

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в двух возможностях: дальнейшем изучении других проявлений литературных мистификаций в Интернет-пространстве или же анализе влияния on-line среды на развитие современной лирики.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева И.Ю. Интернет и проблема субъекта // Влияние Интернета на сознание и структуру знания / [отв. ред. В. М. Розин]. – М. : ИФ РАН, 2004. – С.24 -56.

Галимска М. Мистификация как литературное явление (Черубина де Габриак) // Polilog. Studia Neofilologiczne. – Nr. 3. – 2013. – С. 65 -75.

Греймас А.Ж., Фонтаний Ж. Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души [пер. с фр. И. Г. Меркуловой]. – М. : ЛКИ, 2007. – 336 с.

Микеладзе Н. Пейзаж, нарисованный Павичем [Электронный ресурс]. – URL: <http://archive.taday.ru/text/224527.html>

Новоженкина О.В. Интернет как новая реальность и феномен современной цивилизации // Влияние Интернета на сознание и структуру знания / [отв. ред. В. М. Розин]. – М. : ИФ РАН, 2004. – С. 195-215.

Официальный сербский сайт Милорада Павича. URL: <http://khazars.com/>

Павич М. Пейзаж, нарисованный чаем : роман-кроссворд ; [пер. с серб. Н. Вагапова и Р. Грецкая]. – СПб. : Амфора, 2010. – 338 с.

Павич М. Хазарский словарь: роман-лексикон ; [пер. с серб. Л. Савельева]. – СПб. : Амфора, 2013. – 352 с.

Попова И. Л. Мистификация литературная // Литературная энциклопедия терминов и понятий / [под ред. А. Н. Николюкина]. – М. : Интервалк, 2001. – С. 553-555.

Рыжова Е. «Есть люди с особо чувствительной кожей...». URL: http://www.library.ru/lib/auth_page.php?a_uid=38

Холл М. П. Оккультная анатомия. Человек – великий символ Мистерий ; [пер с англ.]. – М. : Сфера, 2002. – 448 с.

Элиаде М. Шаманизм: архаические техники экстаза. – К. : София, 2000. – 480 с.

Юханнисон К. История Меланхолии. О страхе, скуке и печали в прежние времена и теперь; [пер. со швед. И. Матьчиной]. – М. : НЛО, 2011. – 320 с.